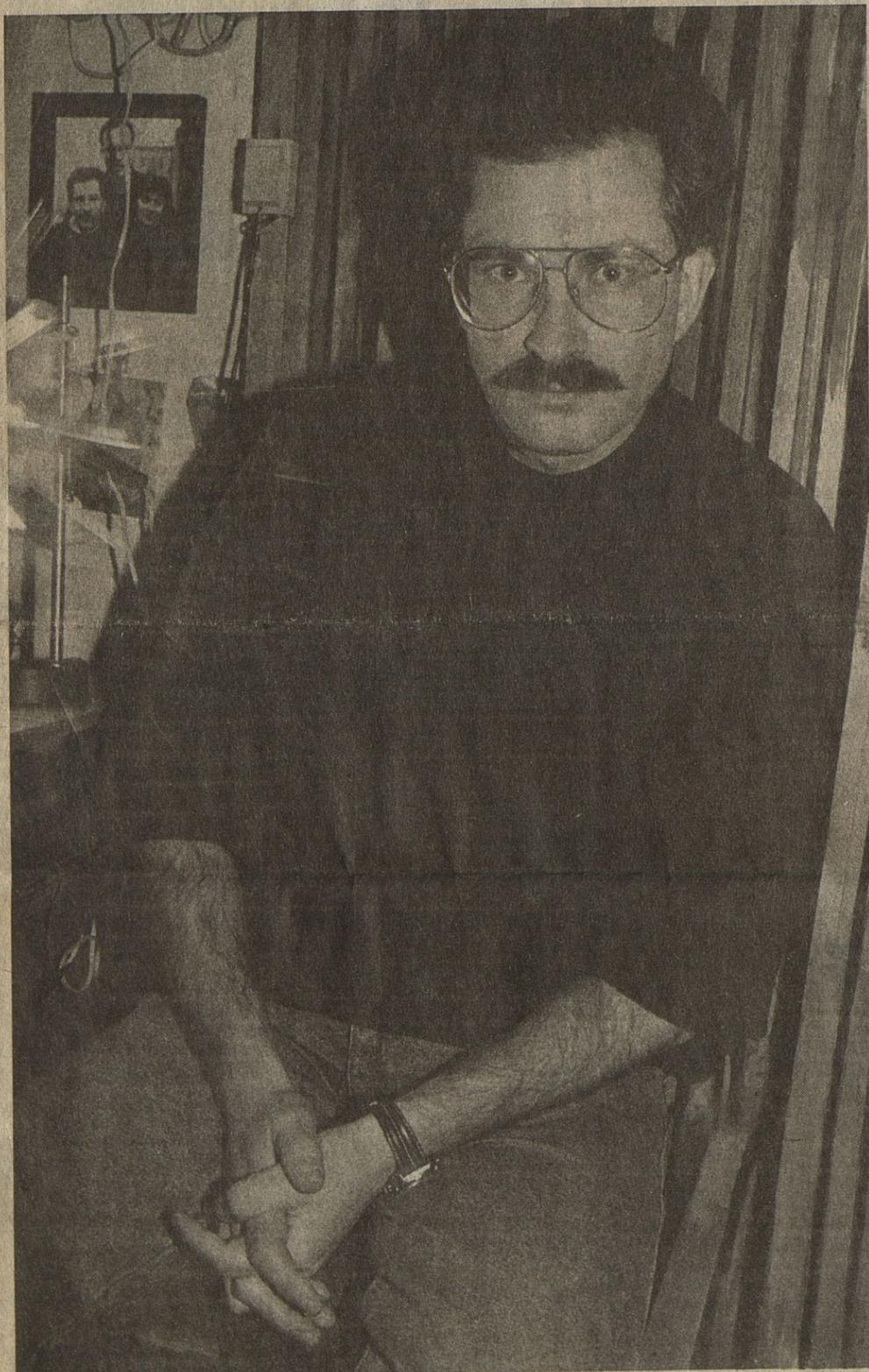


Микстура. - 1995 - 4 марта - с. 1.

# УБИЙСТВО ВЛАДИСЛАВА ЛИСТЬЕВА ПОТРЕЯСЛО ОБЩЕСТВО

## СЕГОДНЯ ПОХОРОНЫ. ПРОЩАЙ, ВЛАД!



## Нас находят. А их найдут?

Кто-то сравнил его улыбку с улыбкой Гагарина. Может быть.

Первые — всегда самые сильные. Сильные — обязательно добрые, а у добрых — самая обаятельная улыбка.

Он и останется в нашей памяти с этой улыбкой, с этим неповторимым, располагающим к себе миллионы обаянием.

А мы будем вспоминать его с горечью и болью. И с отчаянной безнадежностью повторять:

— Их не найдут...

Более всего потрясает эта безнадежность.

Все — и рядовые зрители, которые видели Влада Листьева только на экранах телевизоров, и его коллеги-журналисты, и руководители средств массовой информации, уверенные: «Никого не найдут».

Ни тех, кто совершил убийство, ни тех, кто его организовал.

«Факт остается фактом: ни одно убийство журналистов до конца не расследовано, а оскорбления и погромные призывы в адрес прессы все чаще раздаются, в том числе и с самых высоких трибун» — сказано в Заявлении Союза журналистов России.

Не найдут.

В этой безнадежности слышатся отзвуки не столь уж далекого прошлого, когда вот так же говорили об арестованных:

— Не вернется...

Мы все очень странные люди. Рядом с самыми радужными мечтами о светлом будущем уживается в нас твердое осознание абсолютной безнадежности существования. Рядом с безудержной жадностью свободы уживается ничем не прикрытое отчаяние. А рядом с отчаянной храбростью — какой-то атактистический, какой-то животный страх...

И потому очень понятны чувства, с которыми произносятся умудренные:

— Даже искать не стану!

Но эта нота бессилия, покорности обстоятельствам, это закливание — втайне от себя взыскующее справедливости и возмездия — вызывает все же протест.

Потому что как ни крути, как ни отпугивай беса, сомнения эти ставят нас, жаждущих все же правосудия, на одну доску с теми, кто прячется, и с теми, кто делает вид, что ищет.

Эта отрицающая все и вся частица их очень устраивает.

Ибо делается тогда неким общепринятым знаменателем и для преступника, и для жертвы.

Чем больше знаменатель, тем меньше дробь. И чем больше мы приближаем это страшное «не» к бесконечности, тем стремительнее дробь приближается к нулю. И тогда, вольно или невольно, мы становимся на одну точку зрения с теми, кто (нами же, пишушими, наученный!) утверждает, что, например, «армия есть часть общества и не может быть здоровой, пока больно само общество». Что МВД

(ФСБ, служба безопасности, служба сельского хозяйства, служба водоснабжения и канализации — нужное подчеркнуть) есть часть общества и, стало быть, тоже имеет право болеть! А больной организм — и тут голоса поднимаются уже в торжествующие выси — нужно лечить только весь. Сразу. И ни в коем случае не по частям!

За этим красивым, но абсолютно неверным с точки зрения здравого смысла образом, за этой словесной эквилибристикой стоит железная, ничем до сих пор не пробитая советская коммунистическая идея коллективизма. Идея общей ответственности за все, что творится в нашем беспредельном Отечестве.

Ибо если ответственность — общая, то в разгуле преступности виноваты и мы с вами. И даже сама жертва.

Но тогда получается, что настолько же, насколько виновны мы и жертва, настолько же невиновны те, кто по служебным своим обязанностям должен бороться с преступлениями.

Тогда получается, что мы живем все еще в обществе сплошной круговой поруки, где каждый отвечает за все, и все — за ничто!

И только неясно, за что же отвечают персонально руководители так называемых правоохранительных органов, которым именно и поручено охранять наше право?

Да, им трудно. У них масса проблем. У них не хватает денег, личного состава и у них избыток коррупции.

Но ведь они согласились принять эти должности! И за то, что согласились принять на себя этот груз, они носят красивую форму с двуглавыми орлами на кокардах; у них большие звезды на шитых золотом или серебром погонах;

они получают большую зарплату и имеют персональные машины с телефонами и радиостанциями. Они имеют право сказать: «Это приказ!», — и тысячи подчиненных обязаны сказать: «Есть!».

Но если подчиненные не скажут этого короткого слова, если они не бросятся сломя голову выполнять приказанное, то виновато в этом будет не общество все же и даже не разгильдяй-подчиненный. Виновным будет — по всем законам гражданской и военной жизни — тот, кого не желают слушаться.

Если подчиненные пообещали к Новому году представить убийц Александра Меня и Дмитрия Холодова и не сделали этого, то виноват тот, кто озвучил это обещание.

И если все же не найдут убийц Владислава Листьева, то чтобы ни говорилось про большое общество, совершенно ясно, кто должен за это отвечать.

А если тот, кто за это отвечает, продолжит оставаться в должности, то также совершенно ясно, кто должен отвечать за то, что в таком большом кабинете продолжает оставаться человек, не умеющий выполнять приказы.

Каждый на своем месте должен выполнять свои обязанности. Работники правоохранительных органов — ловить преступников. Их главный начальник — министр — должен следить за тем, чтобы это делалось хорошо и профессионально. Президент должен следить за тем, чтобы министр отвечал за свое ведомство и за свои слова... Только тогда будет порядок.

Но настанет он только тогда, когда мы поверим наконец, что именно от нас самих зависит, кто будет сочинять законы для этой страны. И кто и как их выполняет.

Только не соглашаясь ни за что с круговой порукой безответственности, мы перестанем взмахивать от отчаяния руками и перестанем горестно повторять это безумное, это бессильное:

— Все равно не найдут.

Найдут, если мы перестанем отчаиваться.

Найдут, если мы очень захотим.

Найдут.

Никуда не денутся.

И Влад Листьев улыбнется нам — хотя бы с портрета. Или с экрана...

О. КУЗНЕЦОВ.

**Шок.**

Этого не может быть.

Первые ощущения после известия об убийстве Влада Листьева именно такие.

Этого не может быть.

Влад Листьев. «Взглядовский мальчик», создатель «Поля чудес», «Темы», «Часа пик», глава «ВИДа».

Влад Листьев. Тридцативосьмилетний исполнительный директор Общественного российского телевидения «Останкино».

Влад Листьев. Первое телевизионное лицо страны. Самый популярный телеведущий России, чей рейтинг из месяца в месяц был самым высоким.

В среду вечером он, как обычно, «отвел» свой последний выпуск «Часа пик». Позвонил

домой жене и сказал, что выезжает. Припарковал машину около дома, вошел в подъезд, поднялся на свой этаж...

А дальше... Шок.

После первого шока, растерянности — опустошенности и ярости. В череде взрывов, выстрелов, смертей, убийств эта смерть — очередная, почти привычная и обескураживающая.

Если можно вот так запросто, без затей и усилий, убить одного из самых известных в стране людей, которого в лицо знали сотни миллионов, то что же говорить об обычных людях, нормальных гражданах.

И это самое страшное, хотя, что может быть страшнее смерти.

К. ПУЛЬСОН.